

До 175-річчя від дня народження Олександра Опанасовича Потебні

И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. А. ЩЕРБАКОВА

ОБ ОДНОМ НАБЛЮДЕНИИ А. А. ПОТЕБНИ И ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕМ ОСМЫСЛЕНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

А. А. Потебня в 1879 г. обратил внимание на разное произношение слова *сума́* и предложного сочетания *съ ума́*, отметив наличие особого звука между предлогом и следующим за ним словом с гласным началом в сочетании *съ ума́* [сумá], затруднившись его назвать. Это наблюдение ученого было забыто, но впоследствии лингвисты видели в этом загадочном звуке гортанную смычку (фр. *coup de glotte*, нем. *Knacklaut*), которая претендует на роль своеобразной факультативной фонемы, проявляющейся, например, внутри слова в минимальной паре *суженный* — *суженный* [с'ужəнə́] — [сужəнə́]). Разное проявление гортанной смычки связано с пограничными сигналами, о которых писал Н. С. Трубецкой применительно к словам и морфемам.

Ключевые слова: пограничные сигналы, оглушение согласных, смягчение согласных, твердый приступ, гортанная смычка.

В большом научном наследии А. А. Потебни имеются наблюдения и соображения, которые опередили время и долго оказывались невостребованными, но впоследствии получили дальнейшую разработку другими учеными гораздо позже его и зачастую независимо от него.

Таковы были соображения А. А. Потебни об особом звуке, который он явно слышал между согласным звуком предлога и следующим за ним словом, начинавшимся гласным звуком: «Мне кажется вернымъ, что мы *слухом* различаем “с А́нной (с'Анной) и сáнной”, “с ума́ и сумá”, “из у́ст и изу́стный”, “разогрѣть и разогрѣть”. Есть ли это глухой звук? И да, и нет. Да, в смысле того минимума гласности, без которого “согласная эксплозивная на конце не могла бы быть произнесена; нет — в смысле глухого, образующего слог”¹.

Спустя полвека Е. Д. Поливанов определил характер этого оставшегося для А. А. Потебни загадочным звукопредставления (так Поливанов называл фонему) как гортанного взрывного гласного (фр. *coup de glotte*, н. *stimmbänderverschluss*), проявляющегося в медленном произношении: «Это звукопредставление, в конце концов, оказывается не чуждым даже русскому языку, по крайней мере произношению уроженцев Прибалтики, примером чего может служить мой собственный (Е. П.) индивидуальный говор. Именно, м. б. под влиянием немецкого языка, на котором я говорил в детстве, в словах с начальным гласным я нормативно употребляю [ʔ]; когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (к, от и т. п.), гортанный смычный [ʔ] оказы-

¹ Потебня А. А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». К., 1876 г. // Записки Имп. Академии наук. Приложения к XXXIII. — СПб., 1879. — С. 824; С. 61 отдельного оттиска.

вается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; получаются, таким образом, своего рода “гамзированные” согласные: [kʰas:u] = “к отцу”, [atʰas:a] = “от отца” и т. д. В таких же случаях, как “в ад”, “в атаманы”, этот *coup de glotte* [ʔ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʔ] я часто пропускаю) предшествующее *v* предлога (или “префикса”): [fʰat, fʰatamanʂ]»².

Здесь привязывание гортанного смычного к Прибалтике и к влиянию немецкого языка едва ли существенно, зато чрезвычайно важна связь его с медленным произношением, что коррелирует с «тщательным произношением» и наименованием этого звука «легкой задержкой» в комментариях А. М. Сухотина к книге Э. Сепира «Язык» применительно к появлению твердого приступа в русском языке: «В русской речи <...> он фонемой не является, но все же иногда может попадаться <...> при чрезмерно тщательном произношении *от этого*, когда между *т* и *э* слышится легкая задержка»³.

А. А. Реформатский в примечаниях к русскому переводу французского «Словаря лингвистических терминов» появление в русском языке гортанного смычного привязывает к «искусственному» произношению с использованием одного из примеров Е. Д. Поливанова: «В русском произношении гортанный приступ может возникать лишь при искусственном отделении предлога, заканчивающегося согласным, от существительного (и не только.— *И. Д., Л. Ш.*), начинающегося гласным: *к/отцу*»⁴.

Со старательным произношением гортанная смычка увязывается и в дальнейшем: ее «можно услышать, если постараться различить произношение словосочетаний *письмо о Тане* и *письмо от Ани*. Во втором случае после [t] ясно слышен гортанный смычный»⁵.

Рассматривая проявляющуюся в сочетаниях предлогов *в*, *к* с гласным началом последующего слова закономерность сохранения их твердого произношения, Р. И. Аванесов не видит, однако, наличия в получающихся сочетаниях твердого приступа перед начальным гласным следующего за предлогом слова: «Игнорирование ее <этой закономерности> может привести к двусмысленности: фраза *ja нъп'исъл в'итал'ију* — может иметь два значения (*я написал Виталию* и *в Италию*). Напротив того, соблюдение ее дает возможность дифференцировать эти значения: *в'итал'ију* (*Виталию*), *вытал'ију* (*в Италию*).

То же, примерно, можно сказать о еще более распространенном произношении *к-ывану*, *к-ин'с'титуту* вместо орфоэпических *к-ывану*, *к-ын'с'титуту*. Правда, [к] и [кʰ] (в противоположность [в] и [вʰ]) не образуют в русском языке двух разных фонем. Но сочетание [кы] употребляется только на стыке двух слов, и потому оно служит ярким средством образования этого положения. Несоблюдение этой особенности русского произношения также может привести к двусмысленности. Фраза — *к'ир'и н'ъл'з'а ит'и* может иметь два значения: *Кире нельзя идти* и *к Ире нельзя идти*. Эти значения легко различаются в литературном произношении: *к'ири* (*к Ире*), *кири* (*Кире*)»⁶.

² Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов.— Ленинград, 1928.— С. 90.

³ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи.— М.; Ленинград, 1934.— С. 185–186.

⁴ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов.— М., 1960.— С. 8.— Прим. ред. 2.

⁵ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику.— М., 1995.— С. 24.

⁶ Аванесов Р. И. Вопросы русского литературного произношения // Рус. яз. в шк.— 1937.— № 4.— С. 91–93.

Последний пример (*к Ире — Кире*) послужил для А. Н. Гвоздева стимулом к тому, чтобы оспорить принятое в «московской фонологии» в то время объединение в одну гласную фонему [и] гласных [и] и [ы], а также в одну фонему [к] согласных [к] и [к'], которое сейчас уже осталось в прошлом⁷. Никаких звуков между компонентами сочетания *к Ире* А. Н. Гвоздев, как и Р. И. Аванесов, не отмечает, но указывает, что *к Ире* [к'ири] и *Кире* [к'ири] различаются фонемами [к], [ы] в первом примере и [к'], [и] — во втором: «Для иллюстрации того, что смысловозначительная функция звуков необязательно связана с их положением в отдельных позициях, любопытны такие соотношения: *Отнеси к Ире* (к'ири) — *Отнеси Кире* (к'ири), или *К Иргизу* (кырг'изу) — *Киргизу* (кырг'изу). Различие здесь налицо...

На худой конец необходимо признать разными фонемами хотя бы одну из этих пар звуков»⁸.

Совсем по-иному к явлениям типа описанных у А. А. Потебни, Е. Д. Поливанова, А. М. Сухотина, А. А. Реформатского и А. Я. Шайкевича и Р. И. Аванесова подошел Н. С. Трубецкой, который считал вообще сильный приступ одним из разграничителей между языковыми элементами, но при анализе сочетаний предлогов с конечным согласным и начинающихся с гласного следующими словами не обращается к твердому приступу (как это было и у Р. И. Аванесова): «В русском языке (так же как в немецком и английском) противоположение палатального и велярного *к* является афонематическим: перед *е*, *и* звук *к* произносится как палатальный, а во всех прочих положениях — как велярный. Это правило, однако, недействительно за пределами слова. Если одно слово оканчивается на *к*, а другое рядом стоящее начинается с *е* или *и*, то *к* остается велярным, а гласные *е*, *и* оказываются соответственно сдвинутыми назад ($e > \text{е}$, $i > \text{и}$), например: “к этому” произносится кЕтəмʉ (но “кета” произносится к'етə); “мог это” произносится моКетə, “к избам” произносится кшзбəт (но “кис бы” произносится к'избу), “друг и приятель” произносится дру'ку пр'ијəт'ил' (но “руки приятеля” — руки пр'ијəт'ил'ə). Таким образом, сочетания кЕ, кш в русском языке являются групповыми сигналами, указывающими на наличие границы слов между фонемой *к* и следующими за ней гласными *е*, *и*. Перед *е* внутри морфемы в русском языке возможны только палатализованные согласные, в результате чего в этом положении корреляция по палатализации нейтрализуется, но если перед *е* пролегает морфологическая граница, то предшествующий согласный может не смягчиться; ср. «с этим», «из этого», «в этом», «под этим», «от этого» (произносятся set'it̪m, izetəwə, vet̪m, pəd̪et̪it̪m, ət̪et̪əwə), где отсутствие палатализации перед *е* является афонематическим групповым сигналом морфологической границы»⁹.

Невнятную критику этих наблюдений Н. С. Трубецкого высказал А. А. Реформатский, но его критика, кажется, осталась без последствий: «В качестве групповых пограничных сигналов в русском Трубецкой указывает на сочетания [кэ-] [кы-] (*к этому*, *к избам*). То же и в случаях: *с этим*, *из этого*, *под этим*, *от этого* без палатализации [с, з, д, т]. Здесь Трубецкой опять-таки несколько эмпирико-статистически подходит к вопросу. Ведь в последних примерах *с*, *без*, *под*, *от* — отдельные слова, законом для которых является сохранение твердос-

⁷ Касаткин Л. Л. Фонетика. Орфоэпия // Краткий справочник по современному русскому языку. — 2-е изд. — М., 1995. — С. 106, 107.

⁸ Гвоздев А. Н. О фонологии «смешанных» фонем // Известия Академии наук СССР: Отд. лит. и яз. — 1953. — Вып. 1. — С. 51–52.

⁹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 2000. — С. 294–295.

ти конечной согласной; значит, это не «групповые сигналы». Что же касается предлога *к*, то перед *э* в русском *к* здесь не палатализованное, и не просто заднеязычное, а заднеязычное средненебное: *к этому, к Эмме*¹⁰.

Приходится пожалеть, что А. А. Реформатский в эту свою реплику не включил свой опыт анализа пограничного сигнала в паре *Куре* — *к Ире* 1957 г.¹¹, а также пример *к⁷отцу* (в его транскрипции *к/отцу*), использованный им вслед за Е. Д. Поливановым в примечании к словарной статье *Гортанный приступ* в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо (1960): все три подхода А. А. Реформатского к одному и тому же явлению остались у него изолированными, что не позволило сделать общий вывод.

Разная трактовка явлений на стыке консонантного исхода предлога и следующего за ним слова с вокалическим началом у А. А. Потебни с его последователями, с одной стороны, и у Н. С. Трубецкого и Р. И. Аванесова, — с другой объясняется тем, что у них была опора на разный материал: первая группа исследователей делала свои наблюдения над идеальным (полным, искусственным, старательным, медленным, тщательным, акцентированным, отчетливым) стилем произношения, а Н. С. Трубецкой и Р. И. Аванесов описывали разговорный стиль, свойственный спокойной беседе людей без акцентирования каких бы то ни было речевых элементов.

Именно последний стиль произношения (разговорный) и является объектом исследования наших фонетистов и предметом пропаганды пуристов-орфоэпистов при игнорировании полного стиля.

Неучет противопоставления полного и разговорного стилей произношения был основой безрезультатности дискуссии между А. Н. Гвоздевым и А. А. Реформатским о причинах разного произношения слов пары *к Ире* и *Куре*, состоящих, по А. А. Реформатскому, из одинаковых фонем (=букв).

Решение этого парадокса Р. И. Аванесова — А. Н. Гвоздева было предпринято А. А. Реформатским в рамках той старой московской фонологической школы, когда в ее рамках согласные [к] и [к'], а также гласные [и] и [ы] объединялись парно и считались позиционными вариациями фонем [к] и [и].

Разбирая различное произношение входящих в пару *к Ире* — *Куре* фонетических слов, А. А. Реформатский настаивал, что в обоих случаях «состав фонем тот же», однако «в случае *к Ире* фонема [к] в сильной позиции (конец слова, пусть служебного), а фонема [и] — в слабой (после твердой согласной, где [и] аккомодирует предшествующему соседу и «переходит» в [ы]), а в *Куре* — наоборот: фонема [и] в сильной позиции (после мягкой согласной), а фонема [к] в слабой (перед [и]).

Тем самым не только фонемы, но и позиции соотнесены со смыслоразличением»¹².

Таким образом, не вдаваясь в подробности, А. А. Реформатский «соотнесенные со смыслоразличением» позиции приравнивает к фонемам-смыслоразличителям.

А. Н. Гвоздев решительно возражал против не очень понятного вывода А. А. Реформатского о соотнесении позиций со смыслоразличением; его аргументация была построена с использованием большого числа предложно-падеж-

¹⁰ Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 2000. — С. 337.

¹¹ Реформатский А. А. Фонологические заметки // Вопр. языкознания. — 1957. — № 2. — С. 101.

¹² Там же.

ных сочетаний в противопоставлении их знаменательным словам, где предложно-падежные формы с консонантным предлогом перед вокалическим началом в противопоставлении цельным словам типа *к Оле — Коле* даны вперемешку с парами типа *красе — к росе*, где консонантный предлог сочетался с консонантным же началом следующего за ним слова: *к Оле* и *Коле*; *с утки* и *сутки*; *красе* и *к росе*; *с лова* и *слова*; *в арку* и *варку*; *о пушке* и *опушке*, а также *о будке* и *об утке* и далее *со сна — сосна*, *под арками — подарками*¹³.

Не вдаваясь особенно в аргументы А. Н. Гвоздева, итоги дискуссии позже попытался подвести М. В. Панов, фактически опирающийся на соображения Н. С. Трубецкого о так называемых пограничных фонетических сигналах.

М. В. Панов постулировал доказанность довольно смутных суждений своего учителя А. А. Реформатского о смысловоразличительной функции позиций в загадочной паре *к Ире — Кире*, однако незаметно перешел на другую точку зрения, сведя разницу между *к Ире — Кире* к наличию в сочетании предлога с именем *к Ире* загадочной диэремы (пограничного сигнала), которая, однако, даже попала в состав фонемной цепи при фонематическом транскрибировании пары: <к#ír'э> и <кír'э>¹⁴.

Пограничный сигнал-диэрема-смысловоразличитель попал в состав фонем, поскольку в отличие от <кír'э> во втором случае <к#ír'э> «фонемная цепь включает диэрему. Нет фонематического тождества!»¹⁵.

В составе реальных звуков-фонем оказалось нечто бестелесное, обозначенное как особый сегмент символом #, вопреки категорическому заявлению: «Диэрема — предельно суперсегментная единица»¹⁶.

Бестелесный диэреме # бытового (разговорного) стиля произношения в идеальном (полном) стиле произношения соответствует физически выраженная звуковая единица гортанная смычка «[?]», исчезновение которой в бытовом стиле оставило следы в облике соседних фонем и своеобразии их сочетаемости.

Надо заметить, что в полном (идеальном) стиле произношения гортанная смычка появляется не только после предлога с консонантным исходом перед вокалическим анлаутом следующего слова, но это имеет место и на стыке полнозначных слов с такими же характеристиками стыкующихся ауслота и анлаута.

Будучи глухим согласным, гортанная смычка «[?]» в таких случаях вызывает оглушение предшествующего звонкого шумного в глухой и исчезает потом в бытовом (разговорном) стиле произношения. Отсюда загадочное оглушение конечного шумного звонкого согласного даже перед гласными и сонорными согласными следующего слова¹⁷, не получившее никакого объяснения у наших фонетистов и лишь вскользь упоминаемое в учебниках фонетики¹⁸ и получающее фантастическое, хотя и (на первый взгляд!) правдоподобное объяснение как результат постепенных изменений: «Процесс был — в XIII–XIV вв. История языка свидетельствует <???, что, действительно, в это время п о с т е п е н н о звонкие на конце слова становились глухими: все реже в речи встречались произнесения с конечными звонкими, все чаще звонкость становилась полувзвонкостью, чет-

¹³ Гвоздев А. Н. Обладают ли позиции смысловоразличительной функцией? // *Вопр. языкознания*. — 1957. — № 6. — С. 60.

¹⁴ Панов М. В. *Современный русский язык: Фонетика*. — М., 1979. — С. 175–176.

¹⁵ Там же. — С. 176.

¹⁶ Там же. — С. 169.

¹⁷ Аванесов Р. И. *Русское литературное произношение*. — М., 1954. — С. 67–69: *склá[т-а]ткрýт* и т. д.

¹⁸ См., например: Панов М. В. *Цит. работа*. — С. 225.

вертьзвонкостью, полной глухостью... Так было»¹⁹. Надо сказать, что эта фантастика возникла из ложного понимания несколько двусмысленной фразы у историка языка: «Конечные звонкие согласные *б, в, г, д, ж, з* с течением времени во всех почти великорусских, белорусских и западно-малорусских говорах перешли в глухие...»²⁰.

Даже характер оглушения звонких согласных описан весьма сбивчиво: «Наличие на конце слова в русском языке только глухих парных согласных объясняется имевшим место (после утраты редуцированных) ослаблением произношения конца слова и в результате этого утратой голоса шумными согласными (оглушением)»²¹.

На самом же деле «ослабление произношения» здесь означает не только ослабление сонорности, но и усиление характерной для глухих согласных напряженности произношения конечных согласных за счет поглощения ими гортанной смычки.

Вероятно, оглушение звонких шумных в конце слова перед паузой также связано с исчезновением в этой позиции конечных гортанных смычек, которые при поглощении их предшествующими согласными делали последние глухими, что до сих пор не получило объяснения, считаясь, однако, важным законом русской фонетики.

Весьма любопытно, что наши фонетисты почему-то не замечают твердого приступа на границе сочетания предлога с гласным исходом и самостоятельным словом с таким же началом: *за^ʔокно́м, за^ʔокнами*, где в беглой речи исчезновение твердого приступа приводит к неодобряемому орфоэпией стяжению: *з[а]кно́м, з[о́]кнами*.

Орфоэписты, осуждая стяженное произношение типа *з[а]кно́м*, фактически признают закономерность и орфоэпичность звучания на месте стыка гортанной смычки, которой отделяются друг от друга гласные²².

Все загадки, возникшие на стыке консонантного предлога со следующим словом, начинающимся гласным звуком в среднем (разговорном) стиле произношения, легко разрешаются при обращении к более высокому (полному, идеальному и т. п.) стилю произношения, но соотношения между этими стилями произношения пока в русской фонетике не выявлены и не описаны, что затрудняет исследования.

Итак, обнаруженный А. А. Потебней своеобразный (согласный!) глухой звук «^ʔ» между конечным согласным предлога и начальным гласным следующего слова оказался гортанной смычкой (твердым приступом), которая в полном (идеальном) стиле произношения отделяет предлог от следующего слова (обычно существительного), выступая, таким образом, в качестве пограничного сигнала: *с^ʔума́* (но ср. *сума́*).

Глухой согласный «^ʔ» отделяет согласный предлога от начального гласного следующего слова, причем, если это гласные переднего ряда *и, э*, то смычка препятствует смягчению конечного согласного в предлоге.

Исчезая в беглом разговорном стиле произношения, согласный «^ʔ» оглушает при этом предшествующий звонкий согласный и перемещает следующий за ним

¹⁹ Там же.— С. 145 (разрядка наша.— *И. Д., Л. Ш.*).

²⁰ *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка.— М., 1907.— С. 119.

²¹ *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка.— М., 1956,— С. 163; то же ср.: *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка.— 3-е изд.— М., 1990.— С. 180.

²² *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение.— С. 52 и далее.

гласный в более заднюю зону образования, отсюда *вокруг[к-ы]збы́*. В результате сегментный пограничный сигнал «[?]» оставляет в качестве своего заместителя групповой (суперсегментный) пограничный сигнал, о котором писал Н. С. Трубецкой.

Отмеченное А. А. Потебней частное явление русской фонетики привлекало внимание русских лингвистов, которые подходили к нему с разных позиций, объясняли его различные стороны. В результате сведения разных объяснений в единое целое имеем комплексное его объяснение как многостороннего явления, которое получило более или менее полное объяснение.

(Москва)

I. G. DOBRODOMOV, L. A. SHCHERBAKOVA

CONCERNING AN OBSERVATION BY OLEKSANDR POTEBNYA AND ITS FURTHER APPREHENSION IN THE RUSSIAN LINGUISTICS

In 1879 A. A. Potebnya draw attention to different pronunciation of Russian word *сумá* and prepositional word-combination *съ умá*. He noticed, that there was a special sound between the preposition and the following word with a vocal initial in a prepositional word-combination *съ умá* [с[?]умá], but he found it difficult to name that sound. This observation was forgotten, but afterwards linguists named that mysterious sound as a glottal stop (fr. *coup de glotte*, germ. *Knacklaut*). This sound pretends to be an original optional phoneme in Russian language, which can appear within the word in a minimum pair *с[?]уженный* — *суженный* [с[?]ужэнэj — сужэнэj], for example. The special glottal stop's manifestations are connected with the border marks, which were described by N. S. Trubetskoy concerning the words and morphemes.

Key words: border marks, unvoicing, palatalization, rough glide, glottal stop.